

*Маме, папе и Джошу.
И всем детям с весёлыми
руками-крылышками*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Это просто позор, а не почерк.

Я слышу эти слова, но как будто издалека. Как будто кричат из-за стены. Я продолжаю смотреть на лежащий передо мной лист бумаги. Я могу прочитать написанное. Могу разобрать каждое слово, хоть перед глазами всё и расплывается из-за слёз. Я чувствую, что на меня усталился весь класс. Моя лучшая подруга. Её новая подруга. Новенькая девочка. Кое-кто из мальчишек смеётся.

Я всё смотрю на свой листок. Но он вдруг исчезает.

Мисс Мёрфи схватила его с парты и рвёт на клочки. Звук рвущейся бумаги ужасно громкий. Он отдаётся прямо у меня в ушах. Герои рассказа, который я писала, умоляют мисс Мёрфи прекратить, но она не слушает. Она сминает обрывки и бросает в мусорную корзину. Промахивается. Мой рассказ кучкой лежит на шершавом коврике.

— НЕ СМЕЙ больше писать так небрежно! — кричит мисс Мёрфи. Может, она и не кричит, но так кажется. — Тебе ясно, Аделина?! — Мне больше нравится, когда меня называют Адди. — Никогда. В твоём возрасте стыдно иметь такой почерк. Как у дошкольницы.

Вот бы здесь была моя сестра. Киди всегда объясняет мне то, что я не могу контролировать или объяснить себе сама. Она во всём находит смысл. Она понимает.

— Ты меня поняла?

Крики такие громкие, а после них так тихо. Я неуверенно киваю. Хотя и не понимаю. Я просто знаю, чего от меня ждут.

Больше мисс Мёрфи ничего не говорит. Она идёт к доске. Со мной покончено. Я чувствую, как новенькая пялится на меня, а моя подруга Дженна шепчется со своей новой подругой Эмили.

В этом году нашей учительницей должна была быть миссис Брайт, она вела у нас несколько занятий перед летними каникулами. Рядом со своей подписью она рисовала улыбающееся солнышко, а если ей казалось, что ты нервничаешь, она брала тебя за руку. Но миссис Брайт заболела, и наш класс взяла мисс Мёрфи.

Я думала, что в этом году в школе будет лучше. Что я буду лучше.

Я вытаскиваю свой тезаурус — карманный словарь синонимов. Киди подарила мне его на Рожде-

ство. Она знает, что я обожаю использовать разные необычные слова, и мы смеялись, потому что «тезаурус» звучит как название какого-то динозавра. Я читаю слово за словом, чтобы успокоиться и переварить крики и звук рвущейся бумаги.

Нахожу одно подходящее. Унижение.

*

В такие дни, как сегодня, на большой перемене я иду в библиотеку. Звонок звенит ужасно пронзительно, мы задвигаем стулья и выходим из класса, и я чувствую, что все смотрят на меня. От громких звуков у меня кружится голова, ощущения такие, будто сверлят чувствительный зуб. Я иду по коридорам и стараюсь дышать ровнее и смотреть только прямо. Все разговаривают очень громко, даже если идут совсем рядом. Подходят слишком близко, толкаются и шумят так, что у меня горит шея и сердце бьётся быстро-быстро.

Наконец я в библиотеке: здесь тишина. И так просторно. Одно окно открыто, чтобы впустить свежий воздух. Говорить громко здесь нельзя. Все книги снабжены этикетками и распределены по секциям.

А за своим столом сидит мистер Эллисон.

— Адди!

У него тёмные кудрявые волосы, он высокий и для мужчины — худой. Носит большие очки

и растянутые джемперы. Если описывать мистера Эллисона словом из тезауруса, я бы сказала, что он добродушный.

Но мне нравится называть его приятным. Потому что он правда такой. Мой мозг всё визуализирует. Он всё переводит в картинки, и, когда кто-то произносит слово «приятный», я сразу же вспоминаю мистера Эллисона, библиотекаря.

— У меня есть кое-что специально для тебя!

Мне нравится, что он не задаёт дурацких вопросов. Его не интересует, как прошли каникулы или как дела у сестёр. Он просто сразу начинает говорить о книгах.

— Вот.

Он подходит к одному из столов и кладёт на него большую книгу в твёрдом переплёте. Недавние противные ощущения исчезают.

— Акулы!

Я тут же раскрываю книгу и провожу ладонью по первой глянцевой странице. В прошлом году я сказала мистеру Эллисону, что обожаю акул. Что для меня они — самые интересные существа, даже интереснее древних египтян и динозавров.

Он запомнил.

— Это энциклопедия, — говорит он, пока я устраиваюсь с книгой. — То есть книга, которая посвящена какой-нибудь одной теме или области знаний. Эта — об акулах.

Я киваю, слегка оторопев от восторга.

— Правда, я подозреваю, что тебе уже и так известно всё, о чём здесь написано, — говорит он со смехом, и я понимаю, что он шутит.

— У акул нет костей, — отвечаю я, поглаживая фотографию синей акулы. — И у них шесть чувств, а не пять. Они улавливают электрические сигналы окружающей среды. Сигналы, исходящие от других живых существ! И ещё они чуют кровь за много километров.

Порой у них случается сенсорная перегрузка*. Для них всего чересчур много, всё слишком громкое.

Я переворачиваю страницу. Там фотография: гренландская акула, совсем одна, плавает в ледяной воде.

— Люди их не понимают. — Я трогаю акулый плавник. — Вообще-то, многие их даже ненавидят. Не понимают, вот и боятся. И поэтому обижают.

Мистер Эллисон молчит, пока я читаю первую страницу.

— Возьми книжку домой, Адди, на сколько хочешь.

Я поднимаю на него взгляд. Он улыбается, но только губами. Не глазами.

* При сенсорной перегрузке мозг получает слишком много сигналов от органов чувств, и ему трудно справиться с избытком внешних раздражителей (звуков, запахов, света, прикосновений, информации, сильных впечатлений и др.). Такое состояние характерно для аутичных людей, так как у них часто обострена чувствительность. — *Прим. ред.*

— Спасибо!

Я стараюсь вложить в голос всю свою радость, чтобы дать ему понять, что я правда рада. Мистер Эллисон возвращается к себе за стол, и я ныряю в книгу. После урока с чересчур шумными и буйными одноклассниками чтение успокаивает лучше всего. Можно не торопиться. Никто не подгоняет и не рывкает на меня. Все слова подчиняются правилам. Фотографии яркие и живые, но не настолько, чтобы у меня случилась перегрузка.

По ночам, пытаясь уснуть, я люблю представлять, что погружаюсь в холодные океанские волны и плаваю с акулой. Мы исследуем обломки кораблей, подводные пещеры и коралловые рифы. Всё цветное, но вокруг бескрайние водные просторы. Здесь нет толп, никто не толкается и не болтает. Я не стану хватать акулу за спинной плавник. Просто буду держаться с ней рядом.

И нам не нужно разговаривать. Мы можем просто быть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Время в ожидании сестры тянется дольше всего.

Когда я прихожу из школы, папа уже готовит ужин. Сегодня понедельник, значит, будет паста. Я люблю самую простую. Если соуса слишком много, язык в нём как будто тонет, поэтому папа делает соус бешамель для меня и какой-нибудь другой для остальных — себя, моих старших сестёр и мамы, когда она дома.

— Чай почти готов, Адди.

Папа знает, что нельзя сразу приставать с расспросами. Мне нужно привыкнуть к обстановке — так Киди сказала. Сначала она объяснила это мне, а потом папе, и тогда стало легче.

Я помогаю накрыть на стол. Мы подбрасываем пасту к потолку: прилипнет или нет? Одна спагеттина падает, и папа ловит её ртом, со смехом съедает и кричит, чтобы Нина заканчивала сидеть перед камерой и спускалась ужинать. Он не слышит, как наверху чиркают по полу ножки стула,

как жужжит, задвигаясь, объектив и как с обречённым щелчком закрывается дверь её спальни.

Но я слышу.

Нина — моя старшая сестра, она всегда дома и всегда чего-то хочет. Чего именно — не знаю. Жить в другом месте, жить идеальной жизнью, видимость которой она создаёт в своих роликах. Розово-золотой, чистой и опрятной жизни.

У Нины тёмно-рыжие волосы, но она красится в блондинку. Проколоты у неё только уши. Она носит юбки из шотландки и водолазки. В её комнате стоят камера на высоком штативе и внушительные лампы для съёмки. Через эту камеру она разговаривает с десятками тысяч людей об одежде и макияже.

Я ни разу не видела, чтобы в жизни Нина улыбалась так же, как в своих видео.

— О чём снимала сегодня?

Папа постоянно спрашивает об одном и том же. Он это называет «налаживать контакт». Считает, что людям важно чувствовать, что другие интересуются их жизнью. Вот если мне кто-то интересен, я могу задать сотни вопросов, причём самых разных.

— Просто стримила, — говорит Нина, накладывая себе маленькую порцию. От соуса, которым она чуть сбрызгивает пасту, у меня жжёт в носу. — Просмотры упали, ведь я больше не снимаю обзоры на новые коллекции.

Мама сказала Нине, что скупать каждый месяц такую кучу вещей — расточительство. Был скандал с хлопаньем дверьми, и у меня из-за этого дрожали руки.

Нина встаёт и, распахнув холодильник, ищет там сок.

— Где она?

Я заметила, что, когда Нина говорит о Киди, её голос приобретает особую окраску. У её голоса два оттенка. Тёмный и светлый. Оба — для Киди. Но мне неизвестно, что они означают.

Я жду не Нину, а Киди.

Папа не отвечает, а я знаю, что сестра обращалась не ко мне, потому что на меня не смотрела. Я накручиваю спагетти на вилку. На это нужно некоторое время.

— Что нового в школе?

Я чувствую взгляд Нины прямо у себя на плечах. И поэтому ими пожимаю. Она подсаживается к столу:

— Адди, я тебя спрашиваю.

— Нина, — мягко упрекает её папа.

— Не помню, — говорю я.

Нина сейчас скажет, что я вру, но это не так. Как только я выхожу из школы, мне трудно собрать воспоминания воедино. Они сложатся в чёткую картинку только через пару дней.

— У тебя ведь прекрасная память. — Нина так скребёт приборами по тарелке, что мне плохо. —

Если она говорит, что не помнит, значит, что-то не так. — Это уже папе, не мне.

— Тебе нравится ваша учительница?

Перед глазами проносится образ мисс Мёрфи. Один из её зубов, особенно жёлтый. Длинные ногти.

— Она точно такая, как говорила Киди.

Нина резко кладёт приборы на стол.

— Слушай... Ты так считаешь только из-за слов Киди. Адди, она училась у мисс Мёрфи давным-давно. У вас мисс Мёрфи ведёт всего-то чуть больше недели, ты не можешь знать, что она за человек.

— Тогда зачем ты спросила?

Я не понимаю Нину. Она хочет извлечь из нашего разговора что-то, чего я не могу ей дать. С людьми, которые смотрят её видео, она общается так, как будто они ей нравятся. Иногда я наблюдаю за ней. На субботних занятиях психотерапевт раскладывал передо мной фотографии людей, которые носят разные лица. «Людей с разными выражениями лиц», — поправил он меня. Но ведь у них правда разные лица. Он просил меня определить, что эти люди чувствуют, но я так и не поняла, как это сделать. Как определить, как узнать, что с ними происходит.

Но я тренируюсь, и у меня стало получаться. Я наблюдала за Ниной. Она смотрит в камеру и широко улыбается. Она рада; ей нравятся те,

с кем она разговаривает. Но ведь они незнакомые. Она даже их не видит. Я её сестра. Но на меня Нина смотрит с лицом, которое я не могу прочесть.

Я никогда не понимаю, чего она хочет.

И вдруг я слышу его. Тихое постукивание в большое кухонное окно. Папа с Ниной ничего не замечают, но я уже срываюсь с места, чтобы открыть раму. Я слышу, как костяшки пальцев касаются стекла ещё до того, как стук раздаётся.

Киди пришла.

Пригнувшись, она пролезает в кухню через окно. Я обнимаю её. Она единственная, кого я обнимаю. Она никогда не сжимает меня слишком крепко, не сдавливает. Не пользуется резкими духами, которые бьют в нос, а только нежным мылом, которое пахнет домом.

— Привет, мой самый любимый человек. — Её голос всегда одного цвета: он как прекрасное расплавленное золото.

Я улыбаюсь, уткнувшись ей в рёбра. Она ничего не спрашивает. И разжимает объятия, как только я её отпускаю.

— Может, я брошу универ и начну инфлюенсить как ты, Нина. — Киди плюхается на стул рядом с моим и выгребает остатки пасты. — Терпеть не могу своих сокурсников, и аудитории просто ужасные.

— Очень смешно. — Это сарказм, но Нина почти не улыбается. — Что не так с аудиториями?

Киди смотрит на меня и ухмыляется. Я автоматически ухмыляюсь в ответ.

— Свет плохой.

Я понимающе киваю.

— Ясно. — Нина отпивает сок. — Очередной ваш секретик.

Плохой свет — это когда лампы такие яркие, что у людей вроде нас начинает болеть голова. И глаза тоже болят — от визуального шума.

Киди и Нина — близняшки. Но Киди не такая, как Нина. Она такая, как я. Мы с ней аутичные.

*

После ужина мы с Киди гуляем у реки Лейт. Нам нравится, как хрустит под ногами гравий на дорожке, ведущей вниз, к илистому берегу. Я протягиваю руку к листику на дереве: скоро он поменяет цвет, а потом умрёт. Когда мама впервые рассказала мне, что происходит с листьями, у меня была истерика, но мама объяснила, что так и должно быть. И что умирать им не больно.

— Мисс Мёрфи сегодня на меня накричала. — Я пинаю камушек, он взмывает в воздух и падает в воду. — Потому что у меня неряшливый почерк.

Киди останавливается и смотрит на меня. Я знаю, что ей будет сложно прочитывать моё лицо. Мы поднимаемся на мост. У меня в руках палочки, которые я приготовилась бросать в реку.

— Адди, она поступила нехорошо.

— Она не прочитала то, что я написала. Сказала, что не смогла.

— Всё дело в моторике. — Киди останавливается и ласково берёт меня за руки.

— В моторике?

— Наш мозг посылает рукам сигналы. Отдаёт им команды. — Она касается пальцем моей ладони, а потом — виска. — У тех, кто... другой, это происходит немного иначе. Рукам сложнее выполнять все команды мозга. На то, чтобы написать слова правильно и в нужном порядке, времени хватает, а на аккуратность и красоту — уже нет.

— Понятно. — Я останавливаюсь и обдумываю слова Киди.

— У меня такой же почерк. — Она подталкивает меня локтем и смеётся. — Поэтому Нина не даёт мне подписывать наши общие рождественские открытки.

Я смеюсь, вспомнив, как в прошлом декабре Нина сидела у камина, веером разложив перед собой открытки. Она очень серьёзно подошла к процессу подписывания и к упаковке подарков тоже.

— В универе я печатаю на ноутбуке, — добавляет Киди. — Мне так гораздо проще.

Я закусываю нижнюю губу:

— Вряд ли мисс Мёрфи такое одобрит.

— Не одобрит, — вздыхает Киди. — Насколько я помню, она терпеть не может всё, что облегчает кому-то жизнь.

— В этом году у нас новенькая. — Я меняю тему: мама говорит, так нужно делать, если тебе больше нечего сказать. — Она из Лондона.

— Интересно.

— Кажется, у неё ещё нет друзей.

— Тогда, может, тебе с ней подружиться? — Киди жестом показывает мне, что можно бросать палочки.

— Будет хорошо, если ей понравится библиотека. — Я кидаю первую палочку и смотрю, как в стороны летят брызги.

— А что Дженна?

— Она теперь сидит с Эмили. Мне кажется, Эмили меня не любит.

С Киди можно таким поделиться. Мама или Нина сказали бы, что я выдумываю и что мне нужно просто подсесть к ним в обед и общаться с обеими.

Просто будь милой и вежливой. Конечно, эта девочка захочет, чтобы и ты стала её подругой.

Киди знает, что всё не так просто. Что первые впечатления — это жуть. Что подружиться с кем-то нелегко. Я замечаю все шепотки, взгляды и смешки. И я знаю, что ничего хорошего в них нет.

— Тогда тебе точно стоит подружиться с новой девочкой, — говорит Киди.

Я киваю. За последние несколько лет что-то изменилось. Раньше подойти к кому-нибудь на дет-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru